

НИЖИНСЬКА СТАРОВИНА

АРХІВНІ ЗНАХІДКИ

ЕТНОГРАФІЧНІ ЩОДЕННИКИ ЄВГЕНІЇ СПАСЬКОЇ

(підготовка до друку Тетяни Діденко, передмова Олександра Морозова)

У науковому архіві (фондах) Ніжинського краєзнавчого музею зберігаються унікальні щоденники відомої дослідниці, мистецтвознавця й етнографа **Євгенії Георгіївни Спаської** (1891-1981). Майже все своє довге і складне життя наша землячка присвятила вивченню народного мистецтва України та кочових племен Середньої Азії.

Народилася Є.Г.Спаська 20 грудня 1891 року в місті Ніжині, в родині місцевого священика протоієрея Георгія Спаського*. У 1910 році успішно закінчила міську жіночу гімназію П.І.Кушакевич, і згодом вступила на Вищі жіночі курси в Москві, щоб отримати професію вчительки. З початком Першої світової війни, у вересні 1914 року, майбутня дослідниця вступає до приватної фельдшерсько-акушерської школи лікаря П.А.Бушtedта (в Ніжині) і після шестимісячного навчання стає штатною медичною сестрою в Земському шпиталі для поранених вояків. Згодом, у 1915 році Є.Г.Спаська їде на Південно-Західний фронт у Галичину та Буковину, щоб виконувати обов'язки хірургічної сестри в прифронтових шпиталях.

Перші народознавчі дослідження Є.Г.Спаської пов'язані із закінченням Першої світової війни. Як член Всеросійського земського союзу по наданню допомоги населенню Галичини та Буковини, що постраждало від військових дій, дослідниця активно починає вивчати традиційні народні художні промисли, а після бурхливих революційних подій і закінчення війни бере участь в їх відродженні: організує в селах артлі по виготовленню вишиванок, виробів ткацтва, різьблення по дереву тощо. Результатом копіткої праці Євгенії Георгіївни стала видана у 1919 році в Києві українською мовою монографія під назвою «Народне мистецтво Галичини і Буковини».

Після повернення в Східну Україну, Є.Г.Спаська бере активну участь в роботі Інспекції по відновленню художніх промислів в Україні, зокрема – в Ніжині, стає слухачкою Київського Археологічного Інституту по відділенню етнографії, займається дослідницькою діяльністю під керівництвом професора Д.М.Щербаківського. Незважаючи на складні й нелегкі часи, вона багато подорожує різними регіонами України, залучивши до народознавчих студій молодшого брата Івана, у майбутньому – відомого історика й мистецтвознавця, вченого-нумізмата, багатолітнього працівника ленінградського Ермітажу. Після утворення у 1925 році в Києві

---

* У документах часто вживається інша транскрипція імені Георгія Спаського – Юрій (у передреволюційний час за церковними канонами різниці між цими іменами не було), відтак, нерідко зустрічається й ім'я по-батькові його дітей Євгенії й Івана – Юрійовичі.

Сільськогосподарського (етнографічного) музею, Євгенія Георгіївна стає науковим співробітником кустарного відділу цього музею. Дослідниця спеціалізується на вивченні гончарства, народної вишивки, золотарства. У цей час виходять з друку такі відомі праці вченої, як «Кахлі Чернігівщини XVIII-XIX ст.», «Гончарські кахлі Чернігівщини», «Шльонський гончарський круг», «Орнамент Бубнівського посуду (Поділля)» тощо. Є.Г.Спаська веде збиральницьку роботу, упорядковує альбоми малюнків та фотографій з історії вишивки, гончарства та виробництва кахлів, кралецького ткацтва, традиційного житла тощо. Наша землячка – справжній піонер у вивченні історії ніжинського золотарства. Велику цінність для сучасних дослідників мають її рукописні праці «До історії ніжинського золотарства», «Про ніжинського майстра-годинникаря Городецького» та інші. Коли дослідниця проводила свої дослідження в 1920-х роках й вела вміщені далі народознавчі щоденники в Ніжині ще жили й працювали останні з місцевих золотарів, – отже, Є.Г.Спаська могла на власні очі спостерігати за їх роботою.

Але з початком 1930-х років у суспільному житті Радянської України відбуваються негативні процеси. Згорання «українізації», антиукраїнська істерія та звинувачення національної інтелігенції в «буржуазному націоналізмі» призводить до ліквідації дослідницьких установ та музеїв народознавчого характеру. Чимало провідних науковців зазнали репресій з боку комуністичного режиму. Зазнала поневірянь і Євгенія Георгіївна Спаська. Після арешту опинилась вона на засланні в далекому Казахстані...

Жорстокі переслідування підірвали здоров'я, але не зломали дух вченої-народознавця. Отримавши реабілітацію вже після смерті «батька всіх народів» Й.Сталіна, Є.Г.Спаська стає науковим співробітником Алма-Атинського педінституту ім. Абая, відновлює невтомну дослідницьку роботу. У 1956 році вона друкує в «Наукових записках» цього інституту ґрунтовне дослідження «Медные котлы ранних кочевников Казахстана». Протягом 1960-1970-х років дослідниця продовжує плідні студії не лише з українського народознавства, але й вивчає побут і промисли кочових народів Казахстану та Киргизії, упорядковує особисті щоденники та архіви. В цей час Євгенія Георгіївна активно листується з Ніжинським краєзнавчим музеєм, надсилає свої щоденники, які вона вела під час подорожей по Чернігівщині у 1921-1927 роках, унікальні спогади.

10 січня 1981 року ніжинці на сторінках місцевої газети прочитали трагічну звістку про те, що в місті Алма-Ата на дев'яностому році життя відійшла у вічність наша землячка, видатний вчений-народознавець та мистецтвознавець Євгенія Георгіївна Спаська. Але справжнім пам'ятником дослідниці є частина її особистого архіву, що тепер зберігається в Ніжинському краєзнавчому музеї.

До уваги читачів пропонується частина щоденників Є.Г.Спаської. Ці унікальні документи містять не лише цінні відомості про стан та розвиток народних промислів на Чернігівщині, про місцеві традиції, але й передають загальну атмосферу 1920-х років. До того ж, завдячуючи неабиякому літературному хистові дослідниці, щоденникові записи читаються легко, як окремі нариси, проливаючи світло на багатий духовний світ авторки. Без сумніву, ці матеріали викличуть зацікавленість не лише серед фахівців істориків, краєзнавців та народознавців, але й серед широких кіл читачів. Щоденники Є.Г.Спаської друкуються зі збереженням авторського стилю та мови оригіналу з незначними виправленнями та скороченнями. Це їх перша публікація.

Євгенія Георгіївна Спаська

ДНЕВНИК ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В НЕЖИНЕ

30/ХІІ-1923 г. В первый день пребывания моего в Нежине отправляюсь посмотреть, что нового на базаре. Нежинская базарная площадь очень велика и

расположена вдоль берега р. Остер на месте былых укреплений, вокруг «Замковой» церкви и тюрьмы. Непосредственно к застроенному лавками и рундуками базару примыкают ярмарочные площади, расположенные между «Соборно-Николаевской» церковью и Успенской, выстроенной на отчислениа с ярмарочных барышей богатыми нежинскими купцами былых времен.

На базарной площади несколько старых (может быть и XVIII века) каменных лавок с большими погребями, но больше небольших рундучков и более новых каменных и деревянных лавок обычного базарного типа – с коновязями, с большими навесами, под которыми и выставляются заманчиво разные товары. За ночь намело такие сугробы, что ни пройти, ни проехать. Может быть из-за этого, несмотря на предпраздничный день и при том базарный (воскресенье, понедельник, среда и пятница), – базар немногочисленный: на «толкучке», где часто бывают интересные вещи – пусто!

Под красными стенами «замка» ни слепцов, ни пряников – постоянно новых фасонов. Радуют взор только красиво розовеющие и золотящиеся «венки» цибули – этого в Нежине на базаре всегда много.

С огорчением наблюдаю новую моду – многие девушки и молодницы покрасили свои нарядные суконные белые «юбки», отделанные черными бархатными ромбиками спереди и на рукавах, в синий и черный цвет...

Может быть это и практично, но далеко не так красиво на «девчатах» с окраин, Мыгалевки, Васильевки, Авдеевки, Магерок. И все реже попадаются полные «пахарские» костюмы – состоящие из 1) ватной верхней «юбки» (кофты) из темно-синего куба в мелких цветочках – с большим круглым плечьем, обшитым черными бархатными зубчиками, 2) такого же куба плиссированной, обшитой внизу широкой полоской бархата «спідниці» и парчового или атласного передника.

Много ниток коралов – с медными резными украшениями (пуговицами) и большой ниткой крупного янтаря... Толстые белые чулки вязаные и черевички с медными гвоздиками – завершали костюмы наших «пахарських дівчат». Вывязаны зимою теплыми хустками. С удовольствием замечаю, что вернулась мода на «дукачи» – их снова много и с бантами, с камнями, и без них, разнообразных – больших и малых. Я так пристально рассматривала одну старуху в белом строченом кожухе с высоким стоячим воротником (как «козырь» в боярских шубах), что она отходит в сторону, и что-то бормочет – я успела услышать только «тьфу од пристріту!» Потом она смилостивилась надо мной и сказала, что «мода» на такие воротники сохранилась только в Кагарлыке. (Это после того, как я подошла все же к ней и всячески старалась снискать ее расположение, уверяя, что это очень красивая «мода» и жаль, что она переводится!).

В мужских костюмах никаких перемен не заметно, но еще много оранжевых, красивых, как апельсин на снегу, кожухов.

Что еще бросается в глаза – множество саней, украшенных резьбою. Мне даже кажется, что до войны их было меньше. Или просто это я не обращала на них внимания.

Гончарский ряд – главная цель моего путешествия – расположен в самом конце базара на горбочке около тюрьмы и ближе к Покровской церкви, построенной на

небольшом возвышении, где как говорят, был угол крепостных валов нежинского Замка.

После «цыбули», гончарный ряд издали на снегу – самое живописное место Нежинского базара. Но увы! Чем ближе, тем виднее, что посуда стала вся беднее, скучнее, однообразная, ничем не украшенная, сортов мало, от прежнего богатства осталось лишь несколько прекрасных форм да всегда красивые цвета обожженной глины – красноватой, желтоватой, сизой. Все знакомые гончары сидят на своих местах среди сугробов. С краю торгует маленькая гончарка Аня Пархоменко – интересно у нее мало, но все же покупаю у нее две «курушки» («чертогонки») по 200 (мил.)...

Это очень хорошенькие плоские чашечки с изящной ручкой на тонкой ножке. Теперь на них спрос небольшой и их перестают делать, а раньше можно было видеть в каждой хате и употребляли их для окуривания хаты ладаном, или когда был покойник, или когда надо было выкурить «нечисть», завешуюся в хате. Покупаю у Аняты за 300 миллионов еще коника, уточку и верблюда – самые простые, не поливяные даже игрушки, только у уточки головка побелена, все остальное – красное. У бедного Василия Андреевича Пархоменко – Анятиноного отца, давно вышла полива и он делает вещи почти ничем не украшенные, самых простых форм, наспех. Верблюд – для меня новость, сделан грубо, но всё же ясно, что это верблюд – горб, маленькая головка; спрашиваю Аняту – не ее ли это работа ? (она умеет!) – «Нет», это в прошлом году ее младший брат видел на базарах верблюда, которого боялись лошади – отвязывались, бегали по базару, топтали людей, рундуки, Анята так перепугалась, думала что и посуду потопчут!

Цветочного горшка нужного мне нет ни у кого – этот товар весенний, сезонный. Расплатившись и кончив разговоры с Анятой, подхожу к ее соседке жене гончара Дмитрия Пархоменко – у нее дома, «на горищі» есть вазоны и поливные баранчики и курушки. Придется подождать, пока протопчут дорогу на Гончаровку и пойти к ним на дом.

Рядом с Пархоменками торгует семья Герасименко, но с ними я почти незнакома хотя у них еще бывает миски с белой поливой и с узорами – это редкость по нынешним временам, но к празднику все интересное уже распродано.

Через дорогу расположились «городнянцы» – это все больше еврей-перепродавцы, попадаются и «литвинки», которых можно узнать по «дзеньканию» в говоре. У одного еврея за 500 миллионов покупаю черный узкий внизу и широкий вверху кувшин с узким коротким горлышком и узкой плоской ручкой.

Еврей говорит, что сделано это в с. Александровке (Городнянского уезда, Олешнянского района) из черного «глею» и называется там «тыква». У наших гончаров-нежинцев нет черной полуды, а у городнянцев и разных форм и оттенков: от светло-серого до синевато-черного, издали она похожа на чугунную иногда украшенную вертикальными линиями более светлого цвета. Больше ничего интересного на базаре нет.

Дома узнаю, что купленная городнянская посуда в Нежинском уезде (Носовке, Шняковке) называется «тыква», «кухоль», в Веркиевке «тыква», в Волынской губернии, Луцком уезде – «банька». Употребляется везде для воды «в жнива», для

олеи, а мама помнит, что в таких «тыквах», ее бабушка варила «варенуху», заклеивая горлышко хлебом.

Снега и заносы при сильном морозе в Нежине – стихийное бедствие и я боюсь, что они мне помешают выполнить ни одной из шести данных мне Данилом Михайловичем (Щербаківським – *Т.Д.*), моим научным руководителем, связанных с посещением окраин. Придется заниматься всем подряд, что будет поблизу, под рукой,

31/ХІІ-1923 г. Институт Народного Образования им. Н.В.Гоголя. Получила разрешение у ректора на право посещения библиотеки бывшего Безбородьковского Лицея в течении трех дней.

Встретила в институте брата начальника милиции – бывшего студента и, пользуясь его протекцией, отправилась в дом, занятый общежитием уездной милиции. И помню, что там когда-то были прекрасные печи – стоит посмотреть, что от них осталось.

Дом этот, бывших купцов Москаленко, а раньше – Фурсы, бывший дом греков, (у цьому будинку пройшли дитячі роки відомого конструктора космічних кораблів Сергія Павловича Корольова; будинок не зберігся – *Т.Д.*), типично старонезжинський, на очень высоком фундаменте с огромным погребом; высокое крыльцо с четырьмя толстыми колоннами выходит на широкий двор, где раньше, я помню, кипела работа, лежали горы бочонков, подъезжали вереницы подвод с огурцами, ягодами, фруктами, сутились работницы, топили печи – варились варенья, огурцы солили, мариновали грибы.

Бродим по сугробам, ищем каптенармуса, чтобы он открыл нам кухню, куда, как я слышала, на тыльную часть «бовдура» несколько лет назад были вмазаны кафли лучшей в доме, датированной печки.

Впрочем, повар говорит, что около кухни валяются куски изразцовой печи, разобранной в 1921 году городской милицией. Сейчас на том месте огромный сугроб и надо ждать весны, чтобы посмотреть, осталось ли там что-нибудь интересное.

Обещаем повару награду за находки и идем в дом. Там, в бывшей гостинной две печи, толсто забелены; поковыряв в одном месте, видим, что изразцы, вмазанные в стенку чисто белые (заводские), с наиболее часто встречающимся рисунком – синий ампирный вазон, как зарисованный в Шауловском доме, как в Киеве в Софиевском подворье. Может быть есть там и другие, более редкие изразцы и части знаменитой датированной печи, но сейчас, зимой, расчищать печь, нарушать идеальный порядок дортуара милиции как-то неудобно, придется подождать весны. Кроме того еще и очень холодно.

Дівчата з с.Вертіївка. Фото початку ХХ ст. з архіву Спаських

Идем в «клуб» – бывшую «детскую» где, как я помню, стояла красивая белая с синим узором с надписями и датами печь. Но сейчас лишь основание и высокие карнизы вверху сложены из прекрасных белых с синим изразцов. Так как в комнате очень холодно я наспех калькирую: 1) кафель из основания – белого в синих «в тень» вертикальных полосках; 2) одну из двух кафель, вмазанных в основание печи части синей гирлянды (очень напоминающей мне гирлянды печи в одном доме Кашинцева, датированной 1786 годом и сделанной в Калуге); 3) калькирую пояс из вогнутых кафель и 4) кафель, из которых сложено все тело печи.

Студент обещает сделать общий рисунок или сфотографировать и обмерить всю весной. Милиционеры заглядывают в дверь и удивляются тому, что я сижу на полу и расспрашиваю – зачем надо это все срисовывать? Я объясняю, и один из них сообщает мне, что похожая на эту забеленную печь имеется в доме, где сейчас Партшкола, постараюсь попасть туда.

1 января 1924 г. Снегу за ночь намело еще больше, библиотека института по случаю Нового года закрыта и можно только пробраться на соседнюю улицу, где в доме знакомых были кафли, вмазанные в стену в полуразрушенной ванной. Владимир Иванович Лесючевский (организатор першого в Ніжині музею історії, мистецтва та етнографії, що діяв при Ніжинському народному домі – *Т.Д.*) зарисовал там когда-то интересную кафлю, остальных не было видно за сваленными вещами. Это в двухэтажном каменном высоком доме на земской улице. Дом с глубокими погребамы – типичный для богатых купцов, может быть греков конца ХУІІІ – нач. ХІХ веков. Решеток и железных ставен на окнах уже нет, но несомненно они были. Дом этот лишь лет двадцать тому был куплен у Дейкунов его последней хазяйкой Шаулой, а перед тем, говорят старожилы, принадлежал Рослиневским.

В парадной комнате верхнего этажа находились эти великолепные печи, безжалостно разрушенные и выброшенные без ведома хозяйки подрядчиком, замененные им весьма уродливыми современными. Увидев кучи разбитых изразцов хозяйка велела из их частей, с однообразным рисунком, сложить печь в одной из комнат нижнего этажа, а остальные, из которых уже не складывалась печь с цельным узором, – вмазать в стену в ванной.

Первая из названных сложена из кафель одинакового рисунка – тускло-зеленые с коричневым контуром урны. Таких не хватило, и в верхнем ряду вмазаны кафли, такой же величины, но с рисунком обычным – синий амбирный вазон. Вмазанные в стену ванной изразцы с каким-то сложным рисунком, в полном беспорядке и трудно себе представить, какой была эта нарядная печь. Отдельные куски, которые собрал во дворе и вывез в музей В.И.Лесючевский – обломки карнизов и эти вмазанные в ванной, позволяют думать, что это была очень нарядная печь, сложного профиля, с аркой, колонками, карнизами, розоватыми зеленоватыми цветами, листьями – больше всего напоминают изразцы печи в доме Чернова на Успенской улице. Центральный мотив – женский профиль в венке, бараньи головы, вьющиеся по выступам растения – более всего напоминают датированную калужскую печь в доме Кашинцева. И я думаю, что не будет ошибкой рассматривать эти все печи как одну группу, отвечающую вкусам нежинских бар и купцов конца ХУІІІ века, следующих моде заказывать печи в Москве и Калуге, как это было предложено делать перед проездом

императрицы Екатерины по Черниговской губернии. («Киевская старина», 1893 г., март, стр.387). Кроме того из книги Аксакова («Исследование о торговле на украинских ярмарках», 1858 г.) известно, что многие купцы торговавшие на украинских ярмарках, были родом калужские и, оседая в таком торговом городе, каким был в ХУШ веке Нежин, могли желать украсить свои дома печами изготовленными в Калуге.

Рисовать изразцы в ванной комнате было холодно, темно и неудобно, тем более что значительная часть их находились за ванной, поближе к полу. На боковой стене под обоями тоже прощупывались кафли. Одна из них крупная (28X28 см.), с трещинами, была особо интересна, так как на ней вписана в желтый круг желтая монограмма. Толи это были две латинские буквы «BZ» или русские «ВГ», или еще какие; разобрать было трудно, так как трещины пересекали их в двух направлениях.

Размышления, чьи это инициалы, ни к чему не привели. Они слишком велики, чтобы быть инициалами автора печки. Возможно – именная, но чья? Кому принадлежал дом богатых старожиллов Дейкунов, я так и не дозналась. Может быть кому-нибудь их тех богатых купцов, которых упоминает Шафонский, Бантыш-Каменский, Марков, Лазаревский, среди владельцев каменных домов в Нежине конца ХУШ нач. ХІХ веков – Зосимы (Жужмы), Мантии, Диамантии, Залязы, Янжулы, Клицы, Константии, Кромиды, Кромалеи, Стерии, Тарнавиоты, Комбурлеи, а на «Б» только Бони и Бошняки. Едва ли я смогла бы установить, кто именно сотню лет назад мог украсить этот дом печами со своими инициалами. Вообще же над ванной видны были штук сорок белых кафель с рисунком, но только десять из них сложены в два ряда, по пять в порядке, и на них расположен сложный рисунок – большой зеленый венок, перевязанный желтыми лентами, в него вписан синеватых тонов женский профиль в лавровом зеленом веночке. Пять кафель верхнего ряда размера 16X24 см., нижние пять – 21X24. Такой же профиль был и на Черновских печах.

«Значок» Ніжинського цеху золотарів
ХУІІІ ст., срібло, позолота
Чернігівський історичний музей

2 января 1924 г. Конечно нарисовала вчера кое-что наиболее интересное и ушла из-за темноты и холода, да и вообще, зарисовывать все вмазанные в беспорядке кафли не имело смысла, поэтому сделал еще шесть калек, остальные я только перечисляю, начинаю с левого угла: две небольшие (21X23 см.) одинаковые части гирлянд, цветов и плодов; конец фиолетового полотенца, часть птицы, голова и крыло, часть гирлянды уходит под ванну, часть другой птицы тоже уходит под ванну, конец зеленого полотенца (21X23), часть «рога изобилия», две гирлянды, бант и что-то непонятное, уходящие под ванну (12X21), три кафли, по которым вьется желтая лента, перевитая розами и мелкими цветочками – нижнюю часть этой цветочной гирлянды держит в клюве птица, уходящая под ванну – размер кафель 21X23 см. Две

одинаковые кафли с масками, бубном, чуть видна за ванной кафля с трубой, факелом и колчаном, и еще конец зеленого полотенца, рог изобилия, два с бантами, с завитками, гирляндой, мелкие цветы, конец какой-то гирлянды, размер кафли 17x21, две кафли как на Черновской печи с бараньими головами, конец полотенца. Всего с этой печи нарисовано 23 кафли.

Покончив с печью иду в институтскую библиотеку. Профессор М.Н.Бережков, главный библиотекарь, выдает мне четыре хранящиеся в библиотеке цеховые книги, я рассматриваю их и описываю.

ПЕРВАЯ: Размер – писчего листа. Переплет кожаный, рамка, углы и в середине андреевский крест на двуглавом орле, выполнены и прочерчены золотом. На обороте тоже тисненая золотом рамка, а в середине – букет в круге и углы тоже расписаны золотом. Бумага в начале книги голубая, водяной знак – медведь в короне с алебардой и буквы **Я, М, В, С, Я**, а дальше белая бумага с водяными знаками – олень в картуше. Если не ошибаюсь, это герб Ярославля.

Заглавный лист – на толстой красной бумаге с золотым узором вокруг и надпись: *«Книга сочиненная на основании ремесленного положения, содержащая в себе имена и прозвания мастеровъ Нѣжинской столярной управы. Здѣланная во время присутствія Управного старшины Андрея Ляшевского и его товарищей Петра Лютото и Петра Коробчевского».*

На первом листе написано сверху: *«Книга Нѣжинской Столярной Управы (непонятное слово) Управе записаніе мастеровъ состоит 1786 года генваря дня».* Дальше в столбец подряд вписаны фамилии двадцати одного мастеров, а затем уже вписываются фамилии по мере вступления в цех.

Последняя запись: *«1902 г. февраля 8 дня вписанъ въ цехъ майстеромъ столярного мастерства козакъ г.Нѣжина Викторъ Васильевичъ Майборода. Старшина С.Пѣсоцкий, товарищъ старшины Ефимъ Плесконось, при семь были эксперты и удостоверяють своими подписями: Федоръ Песоцкий».*

Печатка Ніжинського цеху «сріблярів». 1786 р.

ВТОРАЯ: Книга в кожаном переплете, украшенном вытесненным широким нарядным орнаментом, формат – лист писчей бумаги. Бумага белая с водяным знаком – олень в картуше. На первом листе вверху написано: *«Книга Нѣжинской кравецкой Управы (непонятное слово) зачисленные мастера состоят 1786 года генваря дня».* Записано в столбец 44 мастера, первый из них купец, остальные мещане. Дальше вписываются новые номера поступления, последняя запись: *«1902 г. февраля 2 дня сего числа вписанъ в портняжный цехъ мастеромъ сего ремесла мѣщанинъ г.Нѣжина Владимиръ Константиновичъ Пойда во вѣчность съ отбытиемъ молодечества. Старшина (штемпель) Григорій Бобешко, товарищъ старшины Стефанъ Петріенко, письмоводитель Иванъ Приходько».*

ТРЕТЬЯ: Книга (в плохом состоянии) узкая – одна вторая ширины листа писчей бумаги. Переплет кожаный, тисненый; бумага тонкая белая, напоминающая лайку; водяной знак – крест в картуше. Первые страницы сильно стертые. Год записи можно разобрать только с пятой страницы – это 1745 г. Из записей видно, что это книга кузнечного цеха. Последняя запись: *«1902 года марта 11 дня сего числа вписанъ въ цехъ мастеромъ кузнечнаго ремесла мѣщанинъ г.Нѣжина Иванъ Васильевичъ Стаценко во вѣчность, старшина (штемпель) Мефодій Блюдо».*

ЧЕТВЕРТАЯ: Книга – формата писчей бумаги в картонном переплете с бумажной этикеткой, на которой написано: *«Материкъ нѣжинскаго ремесленнаго цеха сапожницкой Управы».* Бумага белая «№6» с овальным тисненым штемпелем, в правом углу, подпись без лупы не разобрала. На первом листе вверху: *«Материкъ добавочный въ продолженію нѣжинскаго ремесленнаго цеха для записи въ цехъ мастерами на неопределенное время по роду ремесель всего цеха – составленъ цеховымъ старшиной Иваномъ Ивановичемъ Завадовскимъ съ 16 июня 1821 года».* Последняя запись: *«1902 г. 17 февраля дня. Сего числа вписанъ въ цехъ мастеромъ сапожнаго ремесла мѣщанинъ Петръ Павловичъ Базякало во вѣчность, старшина А. Стаценко».*

В библиотеке очень холодно, брать на дом эти книги нельзя, и поэтому я не смогла их описать подробно.

3 января 1924 г. В книге, подаренной мне профессором Бережковым, ничего относительно печей и цехов не оказалось, и поэтому брат (Иван Георгійович Спаський – Т.Д.) и я, преодолевая горы снега, идем на Гончаровку к Василию Андреевичу Пархоменко. Еще светло и он с сыновьями работает. Анюта еще на базаре.

Василий Андреевич – мастер лет сорока, добродушный и общительный. Я принесла ему баночку давно обещанного «моргуна» (марганца), что приводит его в хорошее расположения духа. Он усаживается на лежанку, закуривает. Сыновья Василия Андреевича продолжают работать на кругах, а мы беседуем на разные темы. Постепенно добираемая до гончарного цеха. Все, что он припомнил и рассказал, брат и я слушали внимательно, но записали лишь дома. Я заметила, что записывать сразу со слов рассказчика лучше в том случае, если это повторяется регулярно и становится для рассказчика привычным, не стеснительным. Если же это первый разговор на данную тему, то записная книжка и карандаш в руках слушателя делает рассказчика осторожным, осмотрительным, лаконичным. А так как мы с Василием Андреевичем не встречались с лета – удобнее было вызвать его на разговор и замечать все на слух.

По его словам, цех уничтожился недавно, может быть, в 1912 году. Часть цехового имущества (Ремесленной Управы) Городская Управа взяла себе, часть цехи сдали церкви. А имущество в гончарном цехе было немалое! – четыре и одна вторая десятины земли возле Гуньков (Филевка, казенные казармы). Землю эту гончары запахивали на третий год; урожай продавали и деньги клали в кассу. К моменту закрытия цеха у них накопилось до 12 тыс. рублей. Все это взяла Городская Управа, а также все то, что хранилось в Ремесленной управе: книги, «версадло», «повестку», «контусы». О книгах он ничего не знал, а «версадло» (зеркало) стояло в Управе на столе, покрытое черным сукном и все могли говорить «вольно», пока сукно не снято, – после этого начиналась сходка и говорить мог только тот, кого спрашивали!

Верх «версадила» был украшен орлом, сидящим на шаре, который на время торжеств отвинчивался, надевался на специальную палку – получалась булава, которую Василий Андреевич называл «цешкой», с которой глава всех цехов шел впереди процессии в торжествах.

Таким образом, открытие «версадила» (зеркала) обозначало открытие сходки, а верхняя часть «версадила» – «Орел» – открывал цеховые процессии. Шафонский цешками называет то, что Василий Андреевич упорно именуется «повесткой» и описывает ее как небольшую свинцовую досочку, на одной стороне которой изображен Святой Георгий на коне (старый герб г. Нежина), на другой стороне – гончарный круг, наугольник (печников) и кафля. А Шафонский описывает цешку как свинцовую досочку, на которой с одной стороны вылит Святой Георгий на коне, а с другой – кувшин, горшок и изразец. Не знаю – кто из них путает, так как речь очевидно идет об одной вещи. Куда девалась цешка, Василий Андреевич не знает, а я проверить не могла. Обыкновенно «повестка»-«цешка» висела в Управе на веревочке и употреблялась при оповещении всех вписанных в цех о дне собрания. Сторож или нововписанный член цеха должен был с нею обойти всех цеховых и предъявить ее. Кто видел повестку – обязан был явиться на сходку. Нововписанный мог откупиться за три рубля от обязанностей ходить с повесткой, созывая на сходку. Мы забыли спросить Василия Андреевича, какова была величина членского взноса.

Василий Андреевич говорил еще о «халатах» или «стихарях», забывая, как назывался цеховой костюм. Старший сын напомнил ему, что это были «контусы» (очевидно, кунтуши). Были они длинные, синие с двумя золотыми полосками внизу рукавов и на воротнике, с поясом широким в позументе (как у певчих). Контусов было всего 12 (для цеховых старшин двенадцати цехов) и тринадцатый для старшины всех цехов. Лицо, идущее с повесткой, тоже одевало этот халат.

«Скрыньки» (для хранения денег) – неперемные принадлежности старшины цехов. Он не мог припомнить и утверждал, что деньги хранились в банке. О цепи, которую надевал на сходках старшина на шею, он тоже не упоминал, а я слышала о ней только от очень старого печника Никифора Блюдо, беседуя с ним накануне, когда он чистил у нас трубы (трусил сажу). Никифор был одно время даже товарищем цехмистра Юхима Гриня, его приятеля, давно умершего. Кроме этого, Никифор ничего не помнил, отговариваясь, что он неграмотный. Сначала, он вообще не понимал, о каких «чехах» (нежинский говор стариков: вместо «ц» – «ч», вместо «ж» – «з», Нежин – Незин) я говорю, потом сообщил, что это – «про ремесленную Управу» и постепенно припомнил и Юхима Гриня, и то, что «цеховых» торжественно хоронили: выдавали из Управы (даром) сукно парчу, хоругви. И как на «Маковей», на «Хрещення» и на «казенные праздники» старшина всех цехов шел впереди всех с булавой и в «кунтусах», а за ним двенадцать цехмистров, тоже в «кунтусах» со знаменами, а уже потом – «корогвы» (хоругви), хор, духовенство. Такой порядок процессии подтвердил и В.А.Пархоменко.

Никифор Блюдо – отличный мастер, интересный собеседник, но чтоб иметь с ним дело надо иметь прежде всего много времени и терпения: и работает, и говорит, и закуривает исключительно медленно. Он уже очень стар и на его память уже нельзя полагаться, к тому же он долго убеждал меня что все, что я не напишу – будет

хорошо, потому что «кто это ж помнит?». Но это – между прочим. Продолжим рассказ Василия Андреевича Пархоменко: книги, версadlo, повестка, контусы, земля и деньги – достались Городской Управе. Знамена, хоругви, сукно на «Мары», парча и образа цехмистры сдали в церкви, но в какие именно – он не знает. Впрочем гончарского цеха все должно было попасть в «Успение», так как Гончаровка была Успенского прихода.

Знамя у гончаров было черное бархатное с иконой Спаса и с золотыми эмблемами: гончарским кругом, молотком и лопаткой. Во времена Шафонского у гончаров знамени не было «по недостаткам».

У каждого цеха было две хоругви и, значит, во время общих процессий их было 24, а знамен – 15, так как у некоторых их было по два – старое и новое. Хоругви выдавались также на похороны цеховых мастеров, как и сукно, и парча. У гончаров было даже две парчи, а какое сукно – Василий Андреевич не помнит.

Шафонский же описывает его, как темно-зеленое с нашитым голубым люстриновым крестом, обшитым кругом узеньким золотым позументом, а внизу – золотым и серебряным кружевом.

Образ у гончаров был «Спасителя», и его, кажется, сдали в «Успение». Гончарский праздник – вторник на Масляной: в этот день в помещении Управы устраивался поминальный обед «по дидам» в складчину. Праздник сапожников – «Кузьмы и Демьяна», а приписаны они были к Богословской церкви. Праздник кузнецов – Успение Богородицы. Столяры приписаны к Васильевской церкви. Собственного цехового дома у гончаров не было. Их Управа квартировала на «Горбу», около Покровской церкви, в доме хромого извозчика Игната. Вписаны в гончарный цех было 50 человек: гончаров, печников, и каменщиков. Из них 30 – гончаров.

Последний гончарный цехмейстер был Пархоменко Андрей, а перед ним – родственник Василия Андреевича – отец Мефода Пархоменко. Старшину выбирали на год, но иногда он оставался и на три года. Последний старшина всех цехов был золотарь Москвичев, глубокий старик, о котором Василий Андреевич отзывается с большим уважением.

На этом кончился мой разговор с Василием Андреевичем и, пообещав его сыну клетку для чижей, а от Василия Андреевича получив обещание сделать мне красивую миску «вишневую» (с маргуном!), мы ушли к Дмитрию Пархоменко, живущему неподалеку на Гончаровке. Д.Пархоменко – отличный мастер, но человек очень замкнутый, не общительный и с ним разговаривать не так-то просто. К счастью нашему, вернулась с базара его жена – типичная нежинская «цокотуха». Словоохотливая и приветливая, она полезла на «горище» и достала нам и «чертогонку»-«журушку», и «коника», и «баранчиків», и «вазон». Вещи их работы наряднее – поливные и от того дороже. «Жінка» сетовала на дороговизну «патентов», от чего муж ее должен был делать только самые простые сорта. Поинтересовалась, зачем я была у Василя Андреевича, и когда узнала, что разговор о цехах – энергично сплюнула и «зацокотала» по-нежински, обругала всех «управских» пьяницами, «злочинцями»: «пропили и землю, і гроші, і все добро, на тому й цехи позакривались!»

Так как ее больше интересовали небесные знамена – крест на луне, близкий потоп и т.п., мы, поговорив с ней и ее молчаливым «чоловіком», сколько требовало приличия, нагруженные покупками, простились с ними и побрели по сугробам домой, где и записали все, что слышали от Василия Андреевича Пархоменко.

4 января. Это был неудачный день: узнали что цеховые знамена можно прийти и срисовать только завтра; в Успенской церкви ничего не добились; старый Москвичев, последний цеховой старшина, с которым мне особенно хотелось познакомиться, еще и потому, что он изготовлял дукачи в свое время на всю Черниговщину.

5 января 1924 г. Цеховые знамена хранятся в колокольне одной из церквей. Их там всего четыре, где остальные одиннадцать – никто ничего не знает. Самое старое из имеющихся – 1855 год, столярного цеха, второе того же цеха – 1894 г., портняжное – 1881 года, булочников – 1888 г. Пока я рассматривала их и описывала, брат нарисовал только одну, так как на колокольне очень холодно и работать трудно.

ПЕРВОЕ. Ярко-красного сукна знамя, обшито в край одноличным золотым позументом и золотой бахромой, окаймлено широким вьющимся золотым орнаментом и вторым рядом более мелкого, похожего на хмель. В середине образ, писанный масляными красками: «Рождество Иоана Крестителя». Внизу продолговатый восьмиугольник, на белом фоне написано: «*Значекъ Нѣжинской столярной и стельмашеской Управы 1855 года генваря второго дня сооружень*». Налево от образа – головка ангела с крыльями, внизу в круге – циркуль, наугольник, линейка. Образ написан на более темном красном сукне и вшит в новое знамя. Можно думать, что он взят из более старого истрепавшегося по краям знамени и вшит в новое, более светлое сукно.

На оборотной стороне те же два вьющиеся орнамента по краю, но в середине – образ Святого Николая, головка ангела и виноградная лоза, написанные на сукне более темного цвета. Внизу надпись, вписанная в такой же восьмиугольник, как и на лицевой стороне: «*Зделанъ сей знакъ въ бытность управного старшины Петра Попова и товарища его Стефана Линника*». Эта надпись разорвана и сильно стерта. Слева от иконы – головка ангела с двумя крыльями, вензель царский, зашитый новым серебряным позументом, внизу колесо, по ободу которого имеется надпись: «*Знакъ Нѣжинской каретнической управы 1855 годъ*». Древо с шаром наверху, на котором обломки (может быть двуглавого орла).

ВТОРОЕ. Синее знамя, выцветшего василькового сукна, обшито односторонним золотым позументом и бахромой. В середине – образ, писанный маслом: «Воскресенье Христово» в золотой рамке с четырьмя восьмиконечными звездами по углам. Вверху справа – царский вензель, зашитый новым позументом, и голова ангела с двумя крыльями; внизу под иконой – наугольник, стертая надпись на продолговатом темном шестиугольнике: «*...сія знамена со ... ремесленного ... ...лярного цеха*», вторая строка: «*... старшины Фе... ... та ... фе...*». Третья строка: «*...ви... ... бо...ского 1891 года июля тридцатого дня*». Вокруг всего знамени – золотой вьющийся орнамент и внутри второй ряд орнамента, зашитый новым позументом. На обороте такое же окаймление и образ Трех Святителей: один – Иоанн Богослов с книгой и пером, второй – Николай с евангелием, третий – с пилой, имя его неразборчиво. Внизу под образом надпись на продолговатом шестиугольнике:

«*Сооружена сія знамена въ бытность ... Ивановича...*». От столяра и иконописного мастера Андрея Федоровича Черненко, моего товарища по мастерской Райсоюза, я узнала, что старшиной столярного цеха долго был Ефим Иванович Кучеровский, у которого Андрей Федорович был учеником, но о цехах он помнит момент их закрытия: «В то время боролись две партии: в то время, как цеховая верхушка пьянствовала за столом, в управу, где стояло «зерцало» (!), враждебная партия привела в помещение Управы Полицмейстера, который за это (!) и закрыл Ремесленную Управу, а Городская Управа за это же отняла все имущество». Такова последняя цеховая легенда!

ТРЕТЬЕ. Темно-красное суконное знамя, обшитое вокруг золотым позументом и золотой бахромой, окаймленное выющимся золотым, довольно широким, растительным орнаментом, узкой золотой чертой и веточками лавра. В середине образ, писанный маслом: «Крещение Господне» в золотой рамке, внизу на продолговатом картуше: «*В бытность старшины и головы Захария Васильевича Носова работаль М.Буда*». Последние два слова написаны мельче, очевидно это подпись художника. Направо от иконы – ножницы, утюг, наперсток и царский вензель, зашитый новым позументом, и головка ангела с двумя крыльями. Вверху сукно порвано и подшито сукном того же цвета, переписано иначе – это скрижали, чаши, кресты, кадило, лоза – возможно, это кусок с другого знамени. На обороте кайма – выющиеся растения, растительный орнамент вокруг образа «Рождества Христового». Писанный масляными красками, и подпись на продолговатой фигуре с заогругленными краями: «*1881 года декабря семнадцатого сооружена сія знамена братией портняжного цеха*».

ЧЕТВЕРТОЕ. Знамя зеленого сукна, край обшит золотым односторонним гладким позументом (один вершок ширины) с золотой бахромой. Кайма вокруг нарисована золотом, довольно широкий растительный выющийся орнамент, а выше нашита полоса нового позумента, под которой скрыта какая-то надпись, чуть ниже: «Боже Царя храни». По середине – образ, писанный масляными красками: «Воскресенье Христово», внизу небольшой образ «Спаса Нерукотворного» на золотом фоне. Под ними подпись: «*Сооружена въ память чудесного спасения Государя Императора Александра III, и его августейшей семьи 17 октября 1888 года въ бытность старшины Феликса Андреевича Доманского*». По углам образа – четыре восьмиконечные звезды, направо от образа вверху – увенчанный короной крендель, ниже – «пасха» (кулич) на тарелке, еще правее – зашитый крестом из нового позумента царский вензель. На обороте та же кайма, в середине образ писанный масляными красками: «Святые равноапостольные Константин и Елена». Внизу на продолговатом золотом шестиграннике надпись: «*1891 года апреля пятого дня сооружена сія знамена общиствомъ калашницкимъ ремесленнымъ цехомъ работаль Матвей Буда*».

Все знамена одинаковой величины и формы, по длине верхней горизонтальной линии аршина $2\frac{1}{2}$; по нижней $1\frac{1}{2}$, $1\frac{3}{4}$. Противоположный от древка край сильно скошен. Древко у всех одинаковое, с шарами наверху, на которых очевидно были орлы.

На этом оканчиваю записи, так как 6-го – сочельник, начинаются Рождественские

праздники. Говорят, что 7-го, на первый день Рождества Христового по старому стилю в этом году еще колядовали на окраинах, но до нас в центр города еще никто не пришел ни колядовать, ни со звездой, ни с козой, ни с комедией.

* * *

Ще я розпитувала В.А.Пархоменка, що йому відомо про ічнянського відомого гончара «Хомку», родом ніженця (так у Є.Г.Спаської, тут і далі в україномовній частині щоденників збережено вкраплення діалектизмів – *Т.Д.*).

Він розповідав, що у Хомки не було зроду ні батька, ні матері, і якісь родичі віддали його в науку до дядька Василя Андрійовича – гончара. І вже потім Хомка подався до Ічні. Це він навчив ічнянців виробляти гарний розписний посуд (!). До цього вони виробляли миски, а горщиків та кухликів майже не робили (?!). Дратували Хомку в дитинстві «Ткачем» (?). «Дейнеко» – теж ніженець, теж працював у Ічні, проте він був поганий майстер, бо був короткозорий і «не спосібний».

Працював у Ічні ще один ніженець – Кожуховський. Да й двоюрідний брат Василя Андрійовича працював теж в Ічні у гончара. Навіть жінка Якова Тіщенко – теж з Ніжина. А ічнянці завжди заперечували, що ніженці – краще й давніше за них працюють.

* * *

30/IV – 2/5-1924 г. ПАСХА. Если на Рождество были непроходимые снега, – то теперь непролазная грязь и район деятельности ограничен мощеными улицами, по которым как-то еще можно пробраться.

Приехала к нам Екатерина Алексеевна из Межигорья, и мы с ней пошли в дом Чернова на Успенской улице. Эта одноэтажный длинный дом, где двенадцать лет назад убили последнего Чернова богача-скупца. План дома приблизительно такой, в нем пять печей. Угол первой комнаты занимает печь №1. Высота ее приблизительно три аршина, ширина – ... Расписана только синим. Карниз рельефный ½ арш., высотой, под выступом карниза один ряд кафель с рисунком гирлянд, плодов и цветов. В верху лицевого зеркала [...] для пилястры почти по всей ширине его узкий прямоугольник ¼ арш. высотой; в нем надпись: «1794 ГОДА», и в медальоне «BZ». Ниже – два круглых медных душника. Два пилястра по бокам «зеркала» украшены рисунком: во всю высоту их вьется растение выходящее из красивой корзинки.

Такой же рисунок и на боковых стенках печи. (Нижняя часть печи украшена рисунком: в круглом венке помещена женская головка, очевидно Флора; в руках у нее колосья, цветы, фрукты. Венок накрест связан лентой, вверху скреплен аграфом, по бокам переходит в свисающие гирлянды, концами соединенные бараньими головками. Вокруг баранов – цветы. Изразцы чисто белые, обычного размера и цвета. Вся печь зарисована. Отдельные элементы скалькированы. Живет в этой комнате семья евреев, жалуются, что печь плохо греет, но понимают, что это редкая и дорогая вещь, и не разбирают.

В соседней комнате (№2) им же принадлежащая изразцовая лежанка. Печь – вернее зеркало над лежанкой отстоит от стены на полтора вершка. Изразцы белые обычной величины, рисунок – синяя решеточка, на скрещении линии –

пятилепестковый цветок. Всего шесть рядов по 6,5 изразцов. А низ лежанки сложен из типично нежинских Билицовских желтоватых изразцов с рисунком «Фіялка» в ромбе. Одна случайная кафля с желтым цветком.

В комнате №3 две совершенно одинаковые печи белых изразцов с цветными узорами над карнизом, в круге, составленном из двух рогов изобилия – чаша с пылающим огнем, рог изобилия, (как в доме Шаулы по Земской улице, в круге «BZ»), над чашей ряд кафель с отдельными гирляндами и две такие же вверху на пилястре гирлянды, как на Шауловских. Карниз рельефный, сложный. Под карнизом прямоугольник, в нем два пылающих сердца с крыльями в венке из листьев дуба. На пилястрах и на боковых стенках печи такие же вьющиеся растения, как на печи в комнате №1, но там все синее, а здесь – листья зеленые, цветы желтые, синие, розовые, коричневатые, а корзинка внизу – желтая. В нижней части печи – небольшой выступ и в нем нарисован профиль женский (синий) в венке, точь в точь как в доме у Шаулы, и даже гирлянды переходят в бараньи головы, держащие во рту цветы. Плинтус – зеленый.

Интересна связь этого дома с Шауловским на Земской улице: одни и те же инициалы «BZ», одинаковый орнамент печей, датированных на Черновской печи 1794 годом. Это позволяет также датировать Шауловский концом XVIII века.

НІЖИН. ВЕЛИКДЕНЬ. 30/IV – 30/V-1927 р. Кожне свято має свої звичаї; деякі, явно культового характеру, залишилися й досі, але вживають їх без розуміння, за традицією. Цього року я була на Великдень у Ніжині, дещо встигла записати з того, що бачила і чула.

Приїхала я з ночі, з середи на четвер на «страсній». Тільки почало світати. Звечора, напевно, був великий дощ, бо обабіч шосе, що іде від станції до міста, стояли великі світлі калюжі; земля – як сажа, а верби – веселі, зелені-презелені. Де-ні-де смалили кабанів по хатах вже поралися хазяйки, бо світилося у вікнах. Баби, підтикавши спідниці, поспішали «до греків» (Гречеської церкви) – бо в цю ніч у Ніжині завжди з давніх давен «у греків» правлять якусь особу службу – «освящують міро». Служба ця залишилися спадщиною від справжніх колишніх греків і правила її в цю ніч лише у Ніжині та ще в Сімферополі щороку. Матері не було вдома, бо й вона пішла до «греків», а у дворі колій Клименко кінчав смалити кабанчика. Робить усе він так ловко і швидко, що тварина, як кажуть, у нього ніколи не кричить. Далі він працює так вміло й акуратно, що всі, хто бачив його роботу від самого початку до самого кінця казали мені, що він справжній артист, і працює за всіма правилами та звичаями старих майстрів цього цеху. (Пригадую, що в Ніжині був великий цех «різницький та м'ясницький, сапожницький та кожевний»). Били завжди багато скоту, та виготовляли шкіри на продаж. Шафонський).

Може й мені слід було до всього цього придивитися, та записати все докладно, але ж я зраділа, що він вже все скінчив, і лише дещо примітила та розпитала.

У Ніжині колють свиней завжди в середу або в четвер на страсній удосвіта. Голову одрізають у дворі і несуть у хату, кладуть на печі, щоб кабани були завжди великі та жирні, як піч. А хвоста, як одріжуть, кидають у свинюшник, щоб свині не переводилися. Коли свиню сажають в саж – несуть їй вперше їжу на кришці від питної діжі – хліба і зерна, щоб була свиня жирна як діжа.

Хоч свинину, хоч поросю на Пасху намагаються всі хто тільки має змогу пожити. Хто не коле сам, старається купити хоч шматок на базарі, тому з сіл багато привозять і недорого продають. Цього року свинина була по 15-20 коп. фунт.

* * *

У четвер та у п'ятницю я придивлялась на базарі, хто торгує і що купують. Селяни торгують переважно яєчками та свининою. Птиці мало, зокрема, порівнюючи з єврейською Пасхою, дешево, бо купують її менше, (на єврейську – було п'ять-шість крб. штука, тепер півтора-два крб.). Гончарі, як і в сочельник, торгують добре, бо на Пасху також багато хто купує новий посуд – такий звичай. На рундучках має успіх шафран, імбир, киш-миш, фарби для яєчок, (у пакетиках), «кірки» цього року вже нема і ніхто її не питає.

Останніми роками розвилася в Ніжині торгівля паперовими квітами. Раніше їх якимось не було помітно, а тепер, бачу я, цілі ряди молодих дівчаток – років 12-15 з Магерок, Овдіївки, Василівки з великими кошиками, з окремими букетами на високих палках; їхній товар має успіх і у приїжджих з сіл, і у городських. Я ще перед Різдом помітила – ніхто не простує з базару без букетів фантастичних квітів. Продають їх дешево – по 10-15 коп. букетик у вісім квіточок червоних, синіх, жовтих, зроблених з папіросного паперу, листячко зелене – з глянцевого.

Одна чи дві, навіть, продавали квіти з крашеної стружки – ці зроблені натуралістичніше, подобаються вони більше міщанам та інтелігенції. Це – троянди, волошки, гвоздики. Потім я бачила, що такими квітами була прикрашені плащаниці у центральних церквах, де парафіяни – міщани. По околицях бачу квіти лише паперові і фантастичніші, яскраві.

Цього товару так багато, і він так подобається селянам, входить в їхній вжиток, що я вирішила, якщо буде вільна хвилинка – піду на Кручу до знайомих дівчаток і зроблю дослід про цю галузь малого сучасного мистецтва. На превеликий жаль, не встигла захватити торгівлі новим на Ніжинському базарі товаром – паперовими рушниками. У п'ятницю було їх уже зовсім мало, напевне майстри не розраховували спросту і заготовили мало, бо кажуть, на Вербному базарі продавали по п'ятнадцять копійок штуку, а тепер я мала вирізувати собі за 35 коп. і замовила знаомій дівчинці на після Пасхи декілька по 20 коп.

До цих дешевих, дегенеративних, коли їх порівнювати з справжніми рушниками, теж варто придивитися. Бо коли прийшов такий час, коли за браком матеріалу і часу, за «змінною модою» (як кажуть ці майстри), зникло чимало виробництв, у яких виявлялися б творчі здібності українського жіноцтва – перейшло воно у це русло дешевого малярства: мале дівча на папері, квачиком з клоччя, аніліновими фарбами малює те, що йому приходить в голову, найчастіше – це все ж квіти: червоні, сині, рожеві на гілочках.

Дивно не те, що вони часто такі грубі, а те, що і композиція, і ритм, і зміст у них постійно зберігається той самий, що й на вишитих рушниках їхніх баб та прабаб, хоч розписують вони здебільшого «з голови». Бо самих вишитих речей, гарних зразків майже ніде не збереглося. Прикрашені ці рушники ще й вирізаними кружевами, а часом і прошивками.

Писанок, на жаль, вже давно не пишуть – просто красять, килими не тчуть – малюють на стінці, печі прикрашені не кахлями – теж розписані, ну, а рушники не шиють, а малюють на папері. У хаті їх вішають як і справжні: над зеркалом, над вікнами, іконами...

Казали мені, що й по селах стали робити паперові рушники. У Прохорах, наприклад, їх робили червоною фарбою на газетних листах, додержуючись навіть узорів старих декоративних рушників, як шитих, так і тканих. Я дала завдання зробити мені новий, або накупити старих, бо їх міняють щосьвята.

У п'ятницю усі церкви увесь день відчинені і я ходила дивитися плащаниці, всі вони старі й мальовані, правда у греків була колись гарна шита шовком, тепер же обличчя, руки, тіло, всюди, де був шовк, років два чи три тому, – теж замальовано фарбами. У центральних церквах плащаниці прикрашені тонкими рушниками, шитими «у хрестах», також квітами паперовими та з стружок. По околицях – крелевецькі ткані рушники, настільки сурові, квіти і на плащаницях і на «похвалі» – яскраві, паперові, різнокольорові.

У Ніжині у всіх церквах було чимало срібних шат на іконах (був великий цех золотарів) – тепер, коли їх знято, стало видно старе письмо на іконах – святі ці усі в парчевих квітчастих ризах.

На другий день Пасхи була я у старої золотарки К.У.Плациндарь, вона дала мені для музею чотири «підвіски» – робити її батька Івана Плациндаря, що робив їх, за її словами, на смольнику. Обіцяла вона мені ще «пульцикі» (чекани) та форму на чашу. Але були вони ржаві, брудні, заховані у неї в кладовці у скрині. Мені не зручно було просити принести їх, бо саме вона приймала та угощала гостей-сусідів. Обіцяла неодмінно передати мені пізніше, а за привіски ні за що нічого не схотіла брати, і взяла за подяку лише мою писанку «сорококліт», що спеціально я для неї зробила.

* * *

Городецький – ніжинець, відомий майстер, робив часи. Могили його з пам'ятником на гречеському кладовищі так і не пощастило розшукати, бо була вона в тій частині, де зруйнована найбільша їх частина. Кажуть, що було там чимало з половини та кінця XVIII ст. Часи Городецького бачила у його хресників – прості, без футлярів, з гірями на ціпках без напису на циферблаті. Цифри та розміщення їх типові...: часові – римські, минутні та місячні – півокруглі, арабські. Циферблат білий, у горі якийсь пейзаж, по куточках – рози. На задній стінці виразно чорнилом написано «Іоаннь Петренко» (прізвище хресника Городецького і нечітко німецькими літерами, незрозуміле). Хазяєва казали, що це подарунок самого Городецького – кума і приятеля їхніх батьків.

Між іншим, пам'ятаю ще з дитинства, що доводилося бачити не раз його роботи у різних ніжинців і в футлярах, і з його підписами на зразок англійських.

Цими ж днями записала в ніжинської міщанки Євдокії Микитовни Синякової деякі Великодні звичаї. Говорить вона скоро-скоро, дзвінко, викрикує, вимовляє замість «ж» – «з», замість «ш» – «с», замість «ч» – «ц» і навпаки. Це типова вимова для ніжинських жінок-міщанок: «замок» – «жамок», «Ніжен» – «Нізен», «субота» – «шубота», «шафран» – «сафран», «пацюк» – «пачук», «церква» – «черква», і т.д.

наприклад: «Од Шпаша до Богошлова шемечки джобала» і т.д.

1. «У Чистий Четвер треба прибрати гарненько у хаті, у дворі, у погребі, і у кладовці, щоб було увесь год чистенько, щоб ніякої пакості не заводилось – ні пацюків, ні мишей, ні жаб, ні черв'яків».

2. «Як до церкви зазвонять у Страсну Суботу – хозяйка віничком начебто вимітає також по усім куточкам, про те ж саме».

3. «Перед Пасхою усі чистенько миються на Страстний Четвер, або у Середу, а старі кажуть, що й у річці купалися, і вдягалися у все чистеньке».

4. «Дівчата кладуть у миску красне яєчко і вмиваються, щоб лице увесь год було чисте».

5. «У паски кладуть шафран та імбир. З м'яса жарять свинину або поросю. Яєчка красять у цибулинні та гречці, а то й на базарі купують».

6. «Коло церкви святять паски, яєчка, сир, і мед, і яблучка, і рибу, у кого що є».

7. «Розговляються свяченою паскою з яєчком».

8. «Ні шкарлупок, ні кісток з свяченого не викидають у сміття, а чи у воду, чи у піч».

9. «Яєчка свячені лежать біля ікони до другого году і вони не воняють».

10. «Дівчата купують соняхів на копійку чи дві, дзьобають та гуляють з хлопцями по головній вулиці Мостовій, у сквері й од «Спаса» до «Богослова» (від Спаської церкви до церкви Івана Богослова – *Т.Д.*).

НЯНЯ КАТЕРИНА

Она нянчила меня и братика Ивана. Жили мы тогда (в Нежине) на Гребенковской улице в небольшом домике...

Ми знали, что незадолго до моего рождения у нее на руках умерли от дифтерита и скарлатины наши сестрички Маруся и Ниночка и совсем маленький братик Коля. (На Пасху мы ходили с ней на кладбище и клали на могилки крашеные яички). Очень мы любили нашу няню и жалели умерших, а она с любовью говорила нам о них, умерших до нашего рождения.

Была она очень красивая и очень стройная даже в старости – черноглазая, молчаливая и ласковая. Правда, мы с братом знали, что она, таясь от всех, нюхала табак...

Лучше всего я запомнила зимние вечера, особенно, когда кроме нас никого дома не было. Затопив в нашей спальне лежанку, сложенную из кафель с синими цветочками, она усаживалась перед огнем на скамеечку, а мы с братиком – у ее ног на войлочном коврик. Смотреть на огонь нам нравилось и молча, но иногда она рассказывала нам что-нибудь, или напевала тихонько. Одну песню она пела иногда, и почти всегда тихонько плача. А я запомнила эту песню на всегда, и так как потом она мне никогда не встретилась ни в одном знакомом песеннике, то и вообразила, что няня Катерина сама ее сочинила.

Когда уже позднее, подростком, я расспрашивала о ней, давно уехавшей от нас, у ее соседей, носовцев, посылала ей гостинцы, они рассказали нам ее грустную историю. Совсем молодой она полюбила соседского парня, своего друга детских лет,

собиралась вийти за него заміж... Но пан (як його фамілія я не пам'ю) разрушил этот план, – взяв ее «прислуживать» в свой дом, а парня сдал в солдаты. Милый бился где-то «с турками» и погіб там, неизвестно где. А она, даже после реформи, так и не вышла заміж, так и ходила «в наймычках»...

Поэтому, на всякий случай, если и серьезные собиратели не знают этой песни, сообщая, что записала ее со слов няни Катерины не то в конце XIX века, не то в начале XX в Нежине, а родом няня была из Носовки.

« Ой, у степу верба стоїть, (2 р.)
а під вербой козак лежить,
порубаний, посічений,
чисто увесь знівечений.
В голівоньках ворон криче,
а в ніженьках коник скаче.
Біжи, коню, доріженькою,
Біжи, коню, та й битою,
щоб татари не піймали,
сіделечка не ізняли,
сіделечка золотого,
з тебе, коня вороного!
Як прибіжиш, коню, додомоньку,
стукни-брякни у ворітчка.
Вийдуть батько, розсідлають,
а матуся розпитають:
«Ой, коню, мій вороненький,
а де ж мій син молоденький?»
«Не плач, мамо, не журися,
бо вже твій син оженився,
тай взяв собі дівчиноньку,
в чистім полі могилоньку...»

Нежин. 30/XII-1923 – 5/I-1924

Науковий архів Ніжинського краєзнавчого музею

Колишня Богдано-Хмельницька площа (сучасна вул. Лашенка). Фото початку XX ст.